

«Что-то не так?»

Эмо-повесть Юлии Коробовой «Третий путь»

Существует в литературном быту мнение, что прозу нужно писать, когда тебе уже за тридцать. Вот почему читать молодого прозаика всегда интересно. В журнале (Мера. 2011. № 1) Юлия Коробова оказалась в компании уже устоявшихся, «серьёзных» авторов. И жанр её произведения как-то стоит особняком — эмо-повесть. Невольно задержишь внимание. И уже с первых страниц появляется ощущение как минимум провокации. После спецназовца-оркестранта и играющего волкам гармониста (а именно с них начинается первый номер журнала «Мера») ждешь чего-то в духе Гай Германики. К счастью, ожидания не оправдываются.

Читатель, опирающийся на бытовое представление об эмо-культуре, после прочтения повести Юлии Коробовой, наверное, будет очень удивлён: в повести ничего не говорится о молодёжных субкультурах, которые, впрочем, по мнению социологов, ушли в прошлое. Панки, готы, эмо — хотя ими всё ещё увлечены герои повести «Третий путь» — лишь названия, затерявшиеся на культурном поле молодёжного искусства. Кстати, Юлия Коробова подтверждает это. Дело не в эпиграфе из популярной группы Limpin, не в пожирании червей на кладбище (но «это всё врут»). «Третий путь» — по-настоящему драматическое произведение о живущих внутри его героев желаниях.

Каждый герой желает своего, желает про себя, без истерии и претензии на исполнение, спокойно. Вызывающе спокоен и стиль самой повести: «— Нет. От линз станет только хуже, совсем ослепнешь. — Зато их не видно, — высказала я наболевшее, — и очки мне не идут», «Вслед за носом критике подверглись щёки, лоб, уши. — Чухантэ! — Я, едва сдержав слёзы, пошла спать».

Вот диалог, в котором Рита, подруга главной героини, говорит о том, что она беременна:

«Рита оцепенело смотрела на хромированный кран со свежими царапинами.

— Мама меня убьёт, — сообщила она буднично. — Я беременна.

Я упала на стул, продолжая сжимать горлышко с остатками наклейки:

— Что?.. Как... то есть с кем?!

— Ты его не знаешь... Дима зовут. На Танькином дне рождения познакомились, ну и...

— Сколько ему лет?

— Двадцать три. А что?

— Как что? Его посадят, а ты... Ты должна сделать аборт!

Глаза подруги наполнились слезами. Она жалко сморщилась и отвернулась к окну:

— До восемнадцати — только с разрешения родителей».

Действительно удивительно, как можно так быстро, кратко писать о том, что кардинально изменяет жизнь героев, что не даёт покоя читателю. Но автор будто специально дразнит его, коротко излагая свою историю, где есть все составляющие хорошей мелодрамы: издевающиеся над «отбросами» детки-мажоры, пенсионеры-учителя, чтущие принципы классовой борьбы, сплетницы-соседки, мамаша, меняющая сто второго кавалера. Повесть будто бы навеяна сериалами Первого канала. Но сквозь «мыло» автор показывает нам совершенно небанальные вещи.

Войны классных группировок уходят на второй план. Кому как не взрослым знать, что это лишь «возраст»: «Вика сегодня мирно поговорила со мной. Может, она не такая уж плохая?» В этом мире, построенном на оглядке на безликих других, — всё иллюзия: нужно казаться «прежней». Всхлипнуть демонстративно, сесть на диету, досмотреть «Ефросинью», ждать предложения. Создать образ счастливого ребёнка: он — хорошо одет, успевает в школе, на него не косятся соседи. Сладкая жизнь, которой ребёнок обязан родителям: «— Какие секреты от матери? Я ничего от своей не скрывала... — Есть вещи... Ты должна понимать! Это не только мои тайны! Зачем ты шарила в моём столе?! — Это и мой стол тоже! Прекрати истерику!» — «...перебесится... ты тоже не сахар... никаких проблем...» Автор легко разоблачает проблемы детей, над которыми так любят смеяться взрослые. А нет никаких проблем, дети переживут — перебесятся, старшие знают, как лучше, они желают добра, они уже прошли через всё это, оставив забывающееся сожаление о том, что было желанным для них: «И до пенсии жить ТВОИМ умом? Ты даже сейчас ни слова против бабушки не скажешь!» Семейная драма превращается в трагедию, повторяющуюся из поколения в поколение: «Снов золотых судьба благая / Даёт известный нам запас...» Дорога жизни в повести превращается в замкнутый круг: желания, разочарования, желания вновь... Конфликт мировоззрений превращается в оппозицию замкнутости-разомкнутости. Пока круг не замкнут, есть надежда, есть желание, «Пока желанием горим...»; потом остаётся лишь бессмысленное хождение по кругу в ожидании хоть капли смысла брэнного бытия. В этом круге сливаются три пути — каждый из которых заведомо правильный, так как заранее известен.

Выбрать из всех верных путей единственно верный — задача ребёнка, а остальное — детали. Именно они особенно удаются автору: махровый халат с грязно-оранжевыми цветами, похожий на царскую мантию, мокрые волосы в тарелке с крупинками гречневой каши, конфетные ногти, хвойно-мятная пена для ванны и «Black Roses» от финских рокеров, палёные «камелоты»... На фоне «мелких» проблем — это лишь едва заметные штрихи настоящей жизни. Автору нельзя отказать в чуткости к деталям, которые хотят быть замеченными, которые рассказывают свою историю странных и могущих показаться мелкими желаний. Но важно, что они есть, потом эти желания растворяются в погоне за счастьем: счастлива мать — счастлива дочь. Только счастье это лишено детали, лишено конкретики. Есть просто счастье — «ждать предложения». Юлия Коробова рисует своих героинь в координатах телерекламы, псевдокультурных артефактов, которые внезапно всплывают в самый напряжённый момент: «Посчитать людей внизу не получалось, они без конца сновали от милиционеров, как кусочки фруктов в “Даноне” от ложки». Чем забиты молодые головы? Они живут в том окружении, которое им дано, дано взрослыми. И в этих координатах детям приходится искать тропки, по которым хочется идти не в ногу. То, что пережито, не имеет значения — что нас не убивает, то делает сильнее. И обесценивается... Если это не настоящее. Но каждое мгновение и есть настоящее, и герои Юлии Коробовой живут этим настоящим: «Я у неё в долгу за то, что дышу и живу... семнадцать лет унижений».

Обманывая читателя, автор среди как бы обычных обид, подростковых проблем, обычных и навеянных рекламой деталей показывает странную и страшную ситуацию глухоты

мира, существующего по незыблемым нравственным правилам и нормам морали: «Я ненавижу её, ты не представляешь, как. Ненавижу эту уверенность в своей правоте. «Какие у вас могут быть проблемы?!», «— Почему, ПОЧЕМУ ты мне ничего не сказала? Ты виновата во всём!... — ... Вы бы позволили ей родить? — Нет, конечно! Сделали бы аборт тихо, без шума. Зачем девке жизнь портить? Добыли бы ей справку...»

Условия игры взрослого мира в повести Юлии Коробовой очень жестоки. Банальное непонимание перерастает в противостояние, делающее невозможным жизнь: «Трудно заметить момент, с которого всё начинает расплываться, как неподшитая льняная ткань, и очень скоро остаются только торчащие нити, обрывки чьих-нибудь жизней».

Трудно увидеть в этих обрывках идеальную картину семейного благополучия: «папу, маму, дембеля-сыночка и лапочку-дочку», ещё труднее вспомнить обронённое автором где-то вначале: «Потом, прислушавшись, достала из кармана зеркальце и мамину фотографию, сделанную, когда той было семнадцать и она ждала ребёнка. ... Я стащила это фото из маминого альбома ещё лет десять назад и с тех пор отчаянно мечтала стать похожей на неё».

Подростки в повести не являются провокаторами, в них нет желания быть лучше, доказать свою правоту, им хочется тоже быть правильными, делать так, чтобы в их мире всё было «нормально»: «Я была у магазина. Та старушка, баба Валя, умерла. Я изо всех сил пытаюсь себя убедить, что я всё равно не смогла бы ей помочь. Чувствую себя плесенью. Такая же ненужная, противная всем... Бесполезная, мерзкая грязь». Они хотят — у них это не получается. Понятие о правильности принадлежит не им. Зато у них есть понимание удивительной «гадливости» от того, что происходит вокруг. Все хотят счастья, но оно оказывается таким далёким, недоступным. Автор очень точно показывает одиночество, от которого нельзя избавиться. Вот почему из трёх возможных — терпеть, бороться и уйти — они выбирают третий путь.

Родители забеременевшей по глупости Риты гонят её «в деревню, к тётке, в глушь», не давая опомниться и оправиться от подростковой драмы. Не хотят слышать. А именно этого героини хотят больше всего. Родители забирают дружбу, любовь — не потому, что они плохие родители, они желают счастья, о котором имеют совершенно точные представления. Счастья, оборачивающегося безысходностью. Взрослые знают три выхода. Детям приходится выбрать один из них. Если он не выбран за них: «Моей мамы никогда не было ни на вечерах, ни на собраниях. Чаще всего школьные мероприятия накладывались на встречи с ухажёрами, и мама, вечно занятая поиском счастья, выбирала последнее».

С удивительной простотой автор описывает искажённое желание свободы под взглядом взрослых надсмотрщиков: «Может, стоит уйти в монастырь? Я, правда, не верю в Бога, но там хоть не будет никаких забот... Я уже представляю себя в рясе. Там легче, потому что жизнь идёт по расписанию: завтрак, обед, работа какая-нибудь, молитвы. И никакой свободы. За тебя уже приняты все решения...» Третий путь — эрзац обители дальней трудов и чистых нег. Третий путь — уйти с дороги матери, которая становится соперницей. Не со зла, по нелепой случайности. Никто же не мог предположить, что у них может быть один избранник. Никто. А грузовики пока увозят «последние остатки детской радости».

Мамы, их любовники, куда-то испарившиеся папы (на страницах повести есть только одно упоминание об отце, всё в той же идеальной картине семейного счастья — см. цитату выше), братья, вернувшиеся дедами из армии, учителя, с искренней верой в лучшее, глумящиеся над своими учениками. И девочки, оставшиеся наедине с «Визином», «Аосом», «Дневниками гейши», «Даноном». Девочки, стоящие на краю крыши.

Повесть Юлии Коробовой не может не вызывать ощущения совершающейся где-то трагедии, которой можно избежать, списать на бытовую драму, на кризис переходного возраста, оставить на авось. Автор позволит это. Позволит благосклонно, из жалости, миру нужно лишь — «Немного иронии. И немного жалости».

Денис КАРПОВ,
кандидат филологических наук